

Черные бушлаты

Глава I

— Еще воды плесни!

— Держи! — и Серега плеснул на камни полный ковшик.

Пар шарахнул в потолок, и у меня захватило дыхание.

— Злодей! Зачем так много-то?

— Ты просил — я плеснул.

— Да уж, не пожадничал. Ладно, и впрямь пора вылезать.

Я спрыгнул с полка и пошлепал к двери.

В предбаннике я уселся за стол и подтащил поближе бутылку с кока-колой. Бухнула дверь, и Сергей выскочил за мной следом. В отличие от меня, он предпочитал пиво.

— Хорошо... — Я расслабленно откинулся на спинку дивана. — Ничего делать не хочу. Так бы и сидел всю ночь.

— Да ты вроде и так по лесам круги не нарезаешь. Чего тебе-то делов — сиди да смотри по сторонам. Это мы тут как проклятые пашем.

— Это вы-то проклятые? Чтоб меня так кто проклял!

Сергей был шеф-поваром в нашем ресторане.

— Ну, в отличие от тебя, у нас конкретное дело есть. Думаешь, полста человек враз накормить легко? Да еще изысками всякими?

— Ну, у всех свое дело. Ты вон кормишь, я по сторонам смотрю, чтоб тебе это делать не мешали.

— Интересно ты смотришь. Как не гляну — сидишь да дремлешь или языком треплешь с обслугой.

— Я не просто так дремлю, я силы коплю. И болтаю не просто так, надо же знать, кто и что видел, о чем думает? Чего от кого ждать. А уж за узбеками нашими, сам знаешь, глаз да глаз!

— Силы копишь?

— Ты kota видел? Как он на солнышке лежит?

— Да кто ж их не видел-то? Ну лежит, и что?

— А как он на птичку опосля этого прыгает? Есть промежуток у него между прыжком и сном?

— Нет, он сразу и сигает.

— Вот и я так. Нельзя все время в напряге быть — перегоришь и в итоге лоханешься.

— Интересная теория.

— Это, Серега, не теория — это жизнь. Чем меньше ты в напряге сидишь, тем дальше после этого прыгнешь и тем быстрее в себя при-
дешь.

— Ну, красиво говорить ты у нас мастер. Еще разок? — Он кивнул в сторону парной.

— Не, хорош. Ты иди, а я уже на холодок.

Серега скрылся в парной, а я начал неторопливо одеваться.

На улице уже было темно, только уличные фонари освещали наши домики. Тихо, даже собаки у соседей не гавкают. Отойдя от двери, я присел на скамейку у гаража. Надо Серегу дожидаться, посидим еще перед сном. А пока есть время...

Позвольте представиться — Александр Котов, 45 лет, майор запаса. Женат, пятеро детей.

На пенсии уже несколько лет, с войной календарных набралось более двадцати лет, и, воспользовавшись этим, я ушел на пенсию. Не полную, да и хрен с ней. На полную тоже жить нельзя. А так, пока еще силы есть, да и голова на плечах тоже, вполне себе можно устроиться как-нибудь прилично. Всякое перепробовал, но... вот подогнал же Макс халтуру... Хозяин нашего поселка — депутат Госдумы, в недалеком прошлом был каким-то министром в одной из наших союзных республик. Тогда и построил вот этот десяток домиков недалеко от Москвы. Кто уж в них раньше жил — бог весть, но уже года полтора стоят они пустыми. А Макс туризмом занимается, у хозяина домов он офис арендует. Вот и предложил ему сделать тут небольшой дом отдыха. Набрали узбеков, отремонтировали домики. В одном ресторан сделали небольшой, Серегина вотчина. Дали рекламу, и понеслось... Я тут — вроде как начальник службы безопасности, а заодно и единственный ее сотрудник. Кадры — тоже мое дело. Разборки с местными отморозками — тоже я. Хотя тут и отморозки-то какие-то квелые. Разок наехали на наших официанток, мы их в ближайшем городе набираем, заявили им — мол, доходами делиться надо. Девки — в слезы и ко мне. Их можно понять, зарплата у них и так не ахти какая здоровая, так еще и делиться ею с кем-то? Ну, встретились, пообщались. Детский сад, ей-богу! Кина дурного насмотрелись и возмнили о себе невесть чего. На «разборку» (это они так нашу первую и последнюю встречу обозвали) явились кучей, с бейсбольными битами. (Вот удивляюсь я — в стране игроков в бейсбол — днем с фонарем не отыскать, а бейсбольная бита есть в любом спортивном магазине.) Ну, вывалились они из своей «пятерки» аж вшестером и изобраили из себя героев боевика. Криминального, а, на мой взгляд, так скорее комедийного. Ну и пришлось им вдумчиво пояснить, что степень крутости оппонента на скорость полета пули влияет незначительно. А наличие в руках спортивного инвентаря в виде бейсбольных бит увеличе-

нию скорости бега от пули не способствует. Народ выразил сомнение в моих словах, пришлось продемонстрировать. После того как я левой рукой из обыкновенного ПМ снес зеркало на их «пятерке» (метров с двадцати), им явно поплохело. А уж когда я на «блатном» (это они так считают) жаргоне пояснил их дальнейшие перспективы бодания с депутатом Госдумы и его окружением, народ тихо слинял и более на горизонте не отсвечивал. Так потихоньку и тянется моя работа. Денег, правда, тоже далеко не до фига, зато работа — не бей лежачего. Узбеки, видя мои ежеутренние упражнения по мордобою и растяжке, тихо хренеют и уважительно здороваются. Воровать — и то почти перестали. По мелочи все равно тащат, но это уж издержки производства.

Стоп, а это еще что? В одном из домиков как-то странно замигал свет в окне. Два часа ночи, они там что, не перебесились еще? Вроде только недавно гости всей гопой, изрядно приняв на грудь, отправились спать. Пора бы им уже и на бок... Стоп еще раз, это не электрический свет! Свеча? Да уж больно она яркая для свечи... Пойдем-ка, от греха подальше и посмотрим получше. Я свернул с тропинки и напрямик, через газон, направился к домику. По мере приближения я видел, что свет в окошке разгорался все ярче. Да, мать твою — это ж действительно огонь! Пожар! Бараны безмозглые, что они там творили?! Ходу!

Подбежав к домику, я только матерно выругался. На первом этаже действительно мелькали языки пламени.

— Серега! — гаркнул я со всей дури.

Вышедший из бани Сергей аж присел.

— Узбеков подымай! Да и своих (с Серегой в домике жил еще один повар и наш водитель) тоже сюда давай! Пулей!

«Так, побежал. Вот ему и повод — про кота вспомнить. Ладно, это все лирика, потом. Дверь... Заперто. Что у нас тут? Полено — по стеклу им и внутрь! М-мать! Дым, падла, так понизу, понизу, к двери. Хорошо хоть замки у нас с ручками запираения, а так — искал бы я тут ключи по всем дому. Открыли, но распахивать пока обождем, и так от окна приток воздуха неслабый. Что горит-то? И где? Сауна? Предбанник! Чему там гореть-то? Нет, чему — понятно, облицовка дощатая, но вот отчего оно загорелось? Да и хрен бы с ней, это на потом. Вон, огнетушитель в углу, с него и начнем».

Ф-фух! Пламя выхлестнуло из двери и чуть не опалило мне морду. Опа! А неслабо оно уже разгорелось-то. Ну, мы его сейчас... Не любит, стерва, ох не любит... Однако огнетушителю кранты...

Топот ног! Серега? Узбеки прибежали.

— Ну-ка огнетушитель мне сюда, скорее! И — наверх! Будить этих баранов и вниз. Кто не может идти — на руках или волоком, марш! Один пулей, в пожарку звонить, телефон у ворот — 01!

«Побежали... А мы тут, с огнем. Однако хреновое дело, огнетушитель тут уже не катит, стена пошла, огонь уже куда-то вверх ввинтился. Второй огнетушитель пуст, третий — все... Пора уже и самому...»

— Сергеч! — это мне кто-то сзади по плечу хлопает. — Серега прибежал с ребятами!

— Чего там? Всех вывели?

— Пацан наверху остался!

— М-м-ать! Что за пацан?

— Сын чей-то!

— Т-т-твою ж дивизию!

Бегом вверх по лестнице! Так, на втором этаже уже прихожая вовсю горит, огонь снизу прошел, как? Хрен его знает... Пацан! Где ты, черт немытый?! Где? Тут нет, тут тоже пусто, в гостиную — нет. Куда ж тебя черти унесли? Спальня — пусто, вторая — тоже, где он? Плач! Назад, в прихожую... Шкаф? Он в шкафу, баран!

— Какого хрена?! Чего ты тут?!

Слезы в три ручья, говорит что-то. Со свечкой внизу читал и уснул? Блин, поджигатель ты наш малолетний! Урод недоделанный! Уши бы тебе, нафиг, вырвать! Ладно, это после. Лестница — тут уже облом, все горит, не пройдем. Балкон? Не пройти, огонь. Окна? Ну, разве что... Ладно, бегом!

— Народ! Где вы там?!

Топот ног, и толпа вылетела из-за угла.

— Брезент сюда!

— А где взять?

И действительно — где? У нас его отродясь и не было.

— Сетку!

— ???

— Волейбольную, блин! Со столбов оторвать и сюда! И в темпе, а то нас тут уже жарят, на фиг!

«Так, бегут, несут, хорошо! Развернули. Давай, пацан, вперед! Боятся, орет что-то, высоко? Да, идешь ты лесом!»

Сдавленно мякнув, парень вылетел в окно. Сетка затрещала, но почти выдержала, и мальчишку быстро потащили в сторону. Набежавшие официантки на бегу вытирали ему закопченную чумазую морду.

«Опа, вот это подарок, сетка лопнула! Что ж, на землю просто так сигать, что ли? Тут метров шесть будет, а то и поболее, дом с этой стороны на откосе стоит, река внизу, неслабо усвистеть можно, если промахнусь или не удержусь на ногах. Боковое окно, оно на другую сторону выходит, там ниже. И чтоб мне туда сразу не убежать?»

Ладно, это потом. Холл, блин, уже весь горит, провозился я с этим поджигателем. Дверь, вот она. Перекосило? Что там с ней? Не открывается подлюка! Черт, что делать? Назад!»

Сверху затрещали доски, и с потолка посыпался какой-то мусор. В два прыжка я преодолел горящий холл (от жара затрещали волосы)

и, как кабан из тростников, вломился в комнату. Ну, вот оно, окно! Что-то затрещало уже внизу, и пол начал уходить из-под ног. Из дерьма, что ли, эти дома строили? Горят, как картонные! Оттолкнувшись изо всех сил, я прыгнул в окно. Черт с ним, с откосом, авось не укачусь, да и ребята внизу...БАМС! И в глазах темнота...

Глава 2

Шлеп! Шлеп!

Кто-то весьма немилосердно приложил меня по щеке.

Шлеп!

Еще раз.

— Э! Хорош там! — я попытался отпихнуть руку, вследствие чего мне заехали уже не по-детски и не по щеке.

— Очухался, падла! Хорош разлеживаться, вставай давай!

Я попытался это сделать, но ноги разъезжались, и встать никак не получалось. Тем более что все тело воспринималось мною как-то неправильно. Незнакомо. В голове звон, глаза никак не могли сфокусироваться ни на чем конкретном. Руки тряслись и скользили по земле.

«Грязь? Откуда тут, ведь у нас около домов щебенка и газон? Или я все-таки усвистел вниз, к реке? Как еще кости не переломал... Однако кто ж это тут такой грубый?»

Мои размышления были прерваны самым бесцеремонным образом — чей-то сапог (откуда?) от души заехал мне под ребро. Ух, и ни хрена ж себе!

— Начальник! Не надо, видишь, не очухался еще человек. Мы уж сами его подыдем.

— Так не ковыряйтесь тут! Ждать не будем, быстро давайте. А то уж мы тут сами лечение проведем.

— Давай, давай, Михалыч. — Меня с двух сторон подхватили под руки и куда-то потащили. — Шевели грабками, пока вертухаи совсем не озлились.

— Я... Это... какой Михалыч? Чего вы там... ух! Больно же!

Яркие пятна перед глазами стали постепенно приобретать более-менее осмысленные очертания. Мокрое, залитое дождем поле. На горизонте лес. Слева, метрах в тридцати, железная дорога. На путях, весело потрескивая, горят разнесенные в клочья несколько вагонов.

Странные какие-то вагоны, где только у нас такие еще сохранились? Какие-то люди вокруг, пожарные? Да нет, не похоже. Бушлаты черные, такие же штаны, шапки. Если это пожарные, то я Дед Мороз. Что за хрень такая? Куда я попал, где дома, Серега где, узбеки мои оканные?

Да, похоже, что домами тут и не пахнет. У нас на дворе ноябрь был, не очень тут на ноябрь похоже, тепло. Явно не минус двенадцать.

Я покосился направо. Под руку меня поддерживал персонаж, словно сошедший с иллюстрации «Колымских рассказов» Варлама Шаламова. Слева обнаружился еще один, аналогичной наружности. Здравсьте, приехали! Это еще кто? Посмотрев на ноги, я обнаружил, что за время моей отключки неведомые «доброжелатели» скомуниздили не только джинсы, но заодно с ними и ботинки, да, кстати, и куртку тоже... На мне был такой же черный бушлат, как и на большинстве окружающих. Такие же брюки и сапоги.

— Строиться!

Повернув гудящую голову, я обнаружил еще одного (одного? Да хрен, тут их человек двадцать, не меньше) участника событий. Гимнастерка (старого образца?), галифе, сапоги и фуражка с малиновым околышем. Картину завершал автомат ППД на правом плече. Товарищ был явно не в духе, и это хорошо было видно по его лицу. Вокруг тем временем началось движение, и чернобушлатники выстроились в подобие шеренги. Меня, вместе с парочкой аналогично очумевших товарищей, оттащили на левый фланг шеренги. Автоматчики выстроились цепью напротив нас, несколько человек зашли с флангов.

Возле кричавшего появился еще один субъект, с папкой в руках.

— Абрамов!

— Михаил Ильич! Тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения. Статья 58-2. Семь лет!

Вот это здрастье! Статья 58, это ж сколько лет-то? Ее ж отменили, еще до моего рождения, что за хреновина творится? Где я и что это все значит? Плохо соображающая голова не спешила предоставить мне никаких ответов. Тем временем перекличка продолжалась, и я успел составить себе некоторое представление об окружающих. Не все статьи я помнил, но судя по воспоминаниям, тут собралась неплохая компания. Сроков менее пяти лет не было вообще ни у кого. Статьи 58 хватало, по ней «прописалось» примерно четверть присутствующих.

— Манзырев!

Молчание.

— Манзырев?!

— Да тут он, гражданин начальник, в себя еще не пришел, вон и на ногах еле стоит.

— Александр Михайлович. Тысяча восемьсот девяностого года рождения. Статья...

И тут последовал внушительный перечень, чуть не из десятка статей. Срок — 10 лет.

Судя по перечню, за обладателем числилось немало. Убийства, разбой и даже побег. Остальных статей я не знал.

Я покосился на отвечающего. Коренастый мужик, метрах в двух от меня. Отбарабанив этот неслабый список, он подмигнул мне оплывшим глазом.

«Ктой-то его так приложил?» — подумалось мне.

Переключка продолжалась еще минут пятнадцать. Порядка двадцати человек так и не откликнулись, из чего я сделал вывод, что им совсем не повезло.

Нас построили в колонну, автоматчики заняли место по бокам и сзади, и мы медленно потащились по дороге.

— Дядя Саша, — это ко мне подобрался давешний мужик с синяком под глазом. — Ты как?

— Хреново, — честно ответил я. — Башка болит, не помню ничего. Даже имя свое забыл.

— Ну, ты даешь! — восхитился он. — Как вообще жив-то остался, вагон-то ваш чуть не пополам разворотило. Пятерых вон вообще чуть не в куски порвало. Мы уж думали — копец тебе, тут в воронке и присыпят землицей. Ан, смотри, ожил!

— Ты это... — прокашлялся я, — говорю ж тебе, память отшибло. Ты напой мне, что у нас тут вообще творится, глядишь, я и вспомню кой-чего.

— Неужто совсем ничего не соображаешь? — восхитился он. — Бывает же... Ну, слушай, коли так.

Рассказчик он оказался неплохой, но вот от его рассказов мне совсем поплохело. Угораздило же меня неведомым образом попасть в шкуру зека. Да еще какого!

Манзырев Александр Михайлович, кличка «Дядя Саша», за свою жизнь накуролесил столько, что советская Фемида заслуженно наградила его званием особо опасного рецидивиста. Начал он сидеть чуть ли ни при царе и продолжил это дело (с небольшими перерывами) уже при Советской власти. Общее количество честно заработанных сроков существенно превышало количество прожитых лет. Сидел он, то есть теперь я, уже года три, и ничего хорошего впереди не светило. Особенно учитывая то, что на дворе стоял 1941 год и нас эвакуировали в глубь страны, подальше от фронта. Как раз в этот момент нас и накрыли бомбами немцы. Паровоз и несколько вагон разнесло в щепки, часть заключенных погибла. А меня и еще нескольких зеков прилично контузило близким разрывом. Насколько я помнил, особенно в этих случаях не церемонились, и не подхвати меня соседи на руки, конвой, без лишних слов, добил бы меня как неспособного к передвижению. Однако же почетное звание, присвоенное мне Фемидой, имело и обратную сторону. Бросить «заслуженного» зека в данном случае было запахло, вот соседи и стали приводить меня в чувство. Посильную помощь в этом оказал конвой, это им я был обязан пинком под ребро и синяком на опухшей морде. Говорливый мужик, отзывавшийся на кличку «Крест», сунулся было помочь и тоже схлопотал по рылу. Куда нас вели, никто не знал. Что будет впереди, где мы находимся сейчас — полная неизвестность.

За разговорами время шло достаточно быстро, и вскоре на горизонте показались какие-то строения. Минут через тридцать после того, как замолчал Крест, нас всех загнали в широко раскрытые ворота какого-то пакагуза. Колонна медленно втянулась внутрь, и заскрипевшие ворота отрезали нас от окружающего мира.

Выбрав себе место у стены, я уже собрался присесть.

— Дядя Саша... — этого шкета я не знал. Да и, собственно говоря, никого я тут не знал, но этого так и видел в первый раз.

— Чего тебе? Кто ты вообще такой?

— Иголка я! Там *люди* тебя просят.

— Что за люди?

Шкет осекся.

— Так это... Хромой, Барин, Красавец. Все *люди* собрались, тебя ждут.

— Ты все сказал? — это нарисовался Крест. — Не видишь — в печали человек. Иди, родной. Мы будем.

— Куда это? — спросил я Креста, когда шкет растворился в полумраке пакагуза. — Что за *люди* такие?

Он пожевал губами.

— Все воры серьезные. Я их краем знаю, на пересылке в соседнем бараке были. Но так, чтоб близко — не был, ничего не скажу.

— А ко мне какой интерес? Я их тоже вроде не помню.

— Ну ты даешь, дядя Саша! Кто у нас по рывкам специалист?

— И кто?

— Ну не я же! — заржал Крест. — Это у тебя четыре побега за шесть лет. Такого бегунка, как ты, еще поискать.

— И от меня им что надо?

— Уходить надо, — Крест вдруг перестал балагурить. — И скорее, а то, чуя я, всем нам тут скоро амбец настанет.

— С чего бы это вдруг?

— А ты сам посмотри. Немец — вон он, рядышком. Пешком нам не уйти, а поезд... сам знаешь, где. А у *этих* приказ — немцам нас не отдавать.

— Думаешь, пострелять могут?

— Да запросто. А то и просто сожгут. Ворота заперты, много нам тут надо? Бензином польют и все.

— Да ладно тебе. Не слыхал я про такие зверства.

— И я не слыхал. Да и впредь слышать не хочу. А все же — кто их знает?

— Лады, пойдем, поговорим.

Шагая через лежащих на полу людей, я думал. Сорок первый год, начало войны. Ну и что мы можем? Стукнуться к начальнику конвоя, мол, так и так, знаю я нечто крайне важное и серьезное. Для победы нужное, так что ведите меня к самому высокому начальству. И что

же он мне скажет? Да ничего хорошего. Ну, откуда у закоренелого зека может быть какая-то важная информация? Никаких вещей из будущего у меня нет, доказательств моего вневременного происхождения тоже. Историю войны помню в общих чертах, конкретных дат не знаю. Где и что произойдет, могу только в общих чертах рассказать. Мало... Чертеж калаша нарисовать — за милую душу, только надо, чтоб чертеж этот в ГРАУ попал, а как? Научить солдат чему-то новому? Да запросто, только вот опять же надо к этим солдатам еще попасть как-то. В штрафники пойти? Так рано еще, да и не возьмут. С таким-то букетом статей?

В дальнем углу пакгауза на полу тлеет неяркий костерок. Чуть в стороне ото всех, поближе к костру сидело человек пять.

— Поздорову, бродяги! — присел я у костра. Краем глаза я отметил, что Крест к костру не подошел, сел в стороне. Народ потеснился, давая мне место. Кто-то протянул горячую кружку. Чисто машинально я глотнул. И глаза мои полезли на лоб. В молодые годы я, случалось, цифирь пробовал. Но такой! Однако же бросать кружку нельзя, не поймут. Зажав ее в руках, я, переведя дух, глотнул еще разок, уже осторожнее. Передал кружку кому-то невидимому в темноте. Так, похоже, все правильно. Никто не дергается пока. Молчите? Ну и я помолчу. Это ж вы меня звали, вот и начинайте.

— Что скажешь, дядя Саша? — худой, как щепка, человек, справа от меня, протянул к огню ладони.

— О чем?

— Что делать дальше будем, не надумал?

Интересно, и что же такое я должен был надумать? По всему судя, разговор не первый. А может быть, я ошибаюсь?

— Ноги делать надо, — вспомнил я Креста и его подозрения. — И скорее, а то всем хана.

Народ у костра слегка ожил, похоже, я сказал то, о чем они все думали. Или догадывались.

— А как? Не прикинул еще?

А на самом деле — как? Ну, стену мы не ломаем, это и ежу ясно. Потолок... высоко, не достать. Ворота. Двое ворот. В одни мы входили, там охрана. Вторые — не знаю.

— Что там? — кивнул я в их сторону.

— Голяк, — ответили сзади. — В щели видно — пулемет и трое часовых.

— Глухо. Завтра что будет, пойдем куда? Или тут держать будут?

— Не знаем. Слух был — в тюрьму переведут.

— С чего бы это? То гнали, гнали (тут уж я рисковал. Кто знает, сколько на самом деле длился этап, может, только сегодня утром и начался), то вдруг вдругорядь в тюрьму. Она, чай, не резиновая будет.

— Щербатый у ворот слушал, говорит, часовые гуторили.